

Александр Мироненко

Респаун

Александр Мироненко

Респаун

«Автор»

2026

Мироненко А. А.

Респаун / А. А. Мироненко — «Автор», 2026

Каждый раз, когда она умирает, она возвращается на три дня назад. И каждый раз — теряет частицу себя. Марго Чернова, настройщик смерти, погибает нелепо и глупо на ступенях метро, но просыпается за 72 часа до падения. Теперь она видит нити между людьми: золотые — любовь, чёрные — зависимость. От неё самой не тянется ни одной. Система «Ткач» забирает чувства, даря взамен опасные способности: чтение намерений, остановку времени, проникновение в чужие сны. С каждым респауном она всё меньше человек. Единственная аномалия — Данил, уличный музыкант, чья виолончель транслирует эмоции напрямую. Он помнит каждый её цикл и влюбляется заново, даже когда она перестает узнавать себя. У неё остался последний шанс найти третий путь — не умереть и не стать частью системы, а сохранить то единственное, что система не может отнять. Но хватит ли на это человечности, когда «себя» почти не осталось?

© Мироненко А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ: GAME OVER	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Респаун

ПРОЛОГ: GAME OVER

Ступени были мокрые.

Потом я буду прокручивать этот момент снова и снова — сотни раз, в разных вариациях, под разными углами, как режиссёр, которому не нравится ни один дубль. Буду вспоминать каждую деталь:

мартовскую морось, похожую на слюну города;

жёлтый свет фонарей, размытый в лужах;

женщину в красном пуховике, которая шла впереди меня и остановилась проверить телефон — и я обходила её слева, ступила на мокрый гранит, и подошва моего левого ботинка — того самого, с протёртой подмёткой, который я третий месяц собиралась отнести в ремонт, — поехала, как по маслу.

Но это будет потом. А в тот момент я просто упала.

Забавно, как мозг расставляет приоритеты в последние секунды. Никакого замедленного кино. Никаких вспышек прожитой жизни. Я думала о трёх вещах — быстро, рвано, как уведомления на экране телефона.

Первое : я не выключила утюг. Или выключила? Кажется, выключила. Нет, точно не выключила. Хотя я не гладила сегодня.

Второе : как глупо. Господи, как невозможно, немислимо, фантастически глупо — поскользнуться на ступенях метро, как бабушка, как персонаж комедийного скетча, как — нет, не «как». Именно так. Буквально.

Третье : неудобно перед людьми.

Вот это, пожалуй, было самым нелепым. Я летела затылком на гранитную ступень, и всё, о чём я могла думать, — это что кто-то увидит, кто-то будет стоять и смотреть, кто-то снимет на телефон, и завтра я окажусь в каком-нибудь паблике с подписью «Девушка навернулась в метро, ЖЕСТЬ, смотреть до конца», и моя коллега Лена покажет мне это видео за обедом, и скажет:

«Слушай, это не ты?» — и мне придётся врать, что нет.

Потом был звук.

Мокрый, короткий, какой-то бытовой — как будто треснул экран телефона. Не страшный. Совсем не страшный. Просто — хруст.

Я даже подумала: может, это телефон? Может, я упала на сумку, и экран — а потом поняла, что хрустнуло не в сумке. Хрустнуло внутри. Во мне. В той части меня, которая отвечает за то, чтобы всё остальное работало.

Боли не было.

Это удивило. Я столько раз представляла себе собственную смерть — профессиональная деформация, когда работаешь в хосписе, — и всегда в моих представлениях была боль. Драматичная, кинематографичная, со стиснутыми зубами и слезами на щеках. А тут — ничего. Ступени. Мокрый гранит у щеки. Странный покой.

Потолок метро «Чистые пруды» — а точнее, «Чистых прудов», потому что я педант даже в агонии, — потолок был красивый. Я никогда раньше не смотрела на него снизу, лёжа на спине. Мозаичные панно. Рабочие. Колхозницы. Какие-то абстрактные символы советского будущего, которое не наступило. Или наступило, но не так, как планировалось.

Лица.

Склонились надо мной, как над открытым люком. Мужчина в очках — рот открыт, говорит что-то, я не слышу, звук уходит, как вода в песок. Женщина в красном пуховике — та

самая, которую я обходила — зажимает рот рукой. Подросток с наушниками — одну вытащил, вторая болтается, глаза круглые, рука тянется к телефону. Снимает? Звонит? И то, и другое?

Я хотела сказать: «Всё нормально, я просто упала, помогите встать.» Открыла рот. Ничего не вышло. Не потому что не могла говорить — а потому что вдруг поняла: нет, не нормально. Совсем не нормально. Та часть меня, которая должна была отвечать за «встать», — молчала. Как выключенная.

Мужчина в очках прижал что-то к моему затылку — шарф? куртку? — и его пальцы стали красными. Я видела это периферийным зрением, краем, как будто подглядывала за чужой жизнью через щель в заборе. Красное на сером. Красное на гранитном.

Красиво, если честно.

Я подумала: это, наверное, плохо, что я думаю «красиво» вместо «о боже, я умираю». Наверное, это значит, что я в шоке. Или что я всегда была немного сломана — эмоционально приглушена, как телевизор с убавленной яркостью. Двадцать восемь лет жизни на минимальной громкости.

Мама говорила: «Маргоша, ты как будто за стеклом.» Лена говорила: «Чернова, ты хоть что-нибудь чувствуешь?» Маров смотрел с этим своим лицом, и я знала, что он хочет спросить то же самое, но не решается.

Нет, хотела я ответить всем. Чувствую. Просто тихо. На единичке. Как фоновая музыка в лифте — вроде играет, но попробуй вспомни мелодию.

А сейчас — сейчас не чувствовала вообще ничего. Ни страха, ни боли, ни сожаления. Только вот это дурацкое «неудобно перед людьми» — и то рассеивалось, как пар над чашкой кофе.

Кто-то кричал. Далеко, гулко, как в бассейне. «Скорую!» Или «На помощь!» Или просто крик — бессловесный, животный, какой кричат, когда видят чужую кровь на граните. Я не могла разобрать. Звуки сливались в кисель.

Потолок метро «Чистые пруды». Мозаика. Рабочие и колхозницы. Советское будущее.

Мне двадцать восемь. Я работаю настройщиком смерти — помогаю людям красиво умирать. И умираю некрасиво, на мокрых ступенях, с протёртой подметкой левого ботинка и невыключенным утюгом или выключенным..... ааааааа неважно.

Хотя утюг я точно выключила. Кажется.

Лица наверху расплылись. Мужчина в очках, женщина в красном, подросток с наушниками — все стали одним пятном, одним общим «кем-то», нависающим надо мной. Свет фонарей. Жёлтое на мокром.

Последняя мысль была простой. Настолько простой, что я даже устыдилась бы, если бы могла стыдиться.

Мне жаль, что я так и не починила ботинок.

Потом — темнота.

Темнота была абсолютной.

Не чёрной — это важно. Чёрный — это цвет. Это что-то. А здесь не было ничего. Ни цвета, ни объёма, ни температуры. Ни верха, ни низа. Ни меня — или, точнее, меня-как-тела. Тело исчезло. Осталось только сознание — голое, как провод без изоляции, — и тишина.

Я не знаю, сколько это длилось.

Секунду? Час? В пространстве без координат время тоже теряет смысл. Можно сказать «вечность», и это будет правдой. Можно сказать «мгновение» — тоже правда. Между ними нет разницы, когда не с чем сравнивать.

А потом —.....

.....Щелчок.

Короткий, чёткий, механический. Я знала этот звук — знала, хотя не могла вспомнить откуда. Он был знакомый. Как звук, который слышишь тысячу раз и перестаёшь замечать. Как щелчок мышки. Как поворот ключа. Как —.....

Как звук автосохранения. В старых играх. Тех, в которые я играла в детстве на маминей древней приставке, когда ещё не было нейроинтерфейсов и «Ткача» и всего этого нового безумного мира. Ты подходил к мерцающей точке, и игра издавала этот звук — *клик* — и ты знал: всё, что было до этого момента, записано. Сохранено. Зафиксировано.

Щелчок.

И в темноте — нет, не в темноте, в *отсутствии* — загорелась строка. Полупрозрачная, мерцающая, как текст на экране с подсевшей подсветкой. Буквы — я даже не уверена, что это были буквы. Скорее — смыслы, которые мозг интерпретировал как буквы, потому что ему нужно было хоть за что-то зацепиться.

РЕСПАУН #1

Я не знала этого слова. То есть знала — конечно, знала!

Кто не знает, — но не в этом контексте. Не про себя. Респаун — это из игр. Это когда твой персонаж умирает и появляется заново на точке возрождения. Это не про живых людей. Не про настоящую кровь на настоящем холодном граните.

Сохранение: 12 марта 2037, 07:14

12 марта. Три дня назад. Утро. 07:14 — мой будильник. Мелодия, которую я не меняла два года, потому что каждый раз забывала, а потом привыкла.

Потеряно: ОБОНЯНИЕ

- *Что ?*

Получено: +1 ВОСПРИЯТИЕ

- *Что ?!*

Загрузка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.